

Алик Толчинский

A nighttime cityscape featuring a prominent cable-stayed bridge in the foreground, illuminated with warm lights. In the background, several skyscrapers are lit up, including a tall, dark tower with a red light on top. The sky is dark, and the overall scene is vibrant with city lights and light trails from traffic.

ОБРЕТЁННЫЙ
РАЙ

Алик Толчинский

ОБРЕТЁННЫЙ
РАЙ

БОСТОН • 2021 • BOSTON

Алик Толчинский

Обрётённый рай (рассказы и повести)

ALIK TOLCHINSKY

Paradise Found (short stories)

[Obretnnyi Rai (rasskazy in povesti)]

Copyright © 2021 by Alik Tolchinsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319466 (pbk)

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 mgraphics-books.com

Book and Cover Design by M•GRAPHICS © 2021

Фотографии и рисунки: А. Толчинский © 2020–2021

Фото на обложке: *Boston Skyline from Malone Park, Chelsea* | Wikimedia.org

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

ОБРЕТЁННЫЙ РАЙ

(рассказы и повести)

<i>От автора</i>	9
Непобедимая и легендарная	11
Страсти вокруг преферанса	63
«Русские» в колледже	87
Обретённый рай	105
В глубине соляных пластов	158
Моцарт и Сальери	177
Жил-был Сизарь	215
<i>Немного фантастики</i>	
Квартира	237
Пылесос	260
<i>Демонизм Лермонтова</i>	
<i>(опыт школьного сочинения)</i>	269

От автора

Подводя итоги прожитой жизни, многие состоявшиеся люди пишут, что участвовали, создавали, строили, воевали, руководили, восстанавливали и прочее, и прочее. Моя жизнь как-то незаметно просочилась в почву, впиталась в неё и мне скорее пристало бы писать все или почти все глаголы с частицей «не»: не участвовал, не избирался, не служил в армии, не воевал, не был за границей до 1989 года и так далее.

А что же мне все-таки удалось, следуя наставлению А. П. Чехова? Родил сына, посадил дерево; как сейчас помню, это было в деревне Дракино. Я высадил в палисадник вишню, которая совершенно засохла через год. Зато книг я написал много. В основном, рассказы. Пестрые рассказы. Потому что жизнь моя оказалась пестрой, несмотря на то что я двадцать лет исправно ходил на службу в одну дрянную организацию под названием п/я-1406.

Но все-таки, сколько хороших и интересных дел я *не* сделал! Начиная с 1990 года я мечтал съездить на остров Крит, потому что с юности увлекался античным искусством. Я обожаю эти древние фрески с корридой или с потрясающими критскими красавицами. Как я мечтал пройтись возле остатков стен дворца в Микенах! Почему я не поехал? И в Помпеях я не был, а ведь столько читал об этом удивительном городе, столько копий фресок и фотографий изучил, что мог бы сам служить там гидом.

Один лишь раз был во Флоренции и приблизился к великому памятнику «Персей» руки Бенвенуто Челлини. Это был мой приз за пьесу, которую я сочинял по его книге, лежа в нервном отделении московской больницы № 151 за много лет до моего бегства.

Я никогда не участвовал в соревнованиях ни по лыжам, ни по любимому настольному теннису, ни по шахматам (я давно играю с компьютером). Наверное, что-то есть во мне патологическое, что дух соревнования вызывает у меня внутрен-

ний протест. Если я умею что-то неплохо делать, то это сразу и видно. Если кому-то интересно, кто-то сделал лучше, меня это не касается.

Я не хочу быть похожим на самцов, которые группой обхаживают одну самку. Я лучше найду себе другую, чтобы не создавать очередь или того хуже — соревнование. Вызовы — кто быстрее, кто умней, кто сильнее, кто выше, кто глубже — вызывают у меня отвращение своей глупостью. На всё нужно время, а оно покажет, чей результат действительно лучше. Что толку в том, что некто мог поднимать огромные тяжести, если он стал из-за этого инвалидом в пятьдесят лет?

Я научился плавать, до этого два раза тонул и один раз в жизни переплыл Оку шириной метров четыреста. Это был мой личный рекорд. Да мне и этого не надо было. Всё это есть кипенье кислоты и соды, как говорил А. Мариенгоф.

Я не ходил по лесам в одиночку, потому что боялся заблудиться, и вообще плохо переношу одиночество на природе. У меня начинается депрессия. В то же время я неприязненно отношусь к любому скоплению людей, потому что толпа есть самое худшее в жизни человечества. Умные вожди всегда торопятся сформировать из толпы управляемую структуру и, конечно, обязательно в своих интересах.

Я никогда не смогу прочесть текст на латыни, хотя приобрел огромный словарь. Это моя неосуществленная мечта. Я задаю себе вопрос: я если бы у меня появилось желание заняться латынью в сорок лет, мог бы я осуществить свою мечту? Я совсем не уверен.

Сколько существует в мире действий, к которым я могу лишь добавить свою жалкую частицу *НЕ!* И что же тогда остается в сухом остатке? — Понимание, пусть неполное, но понимание себя и всех вокруг:

Они прошли, они пройдут...

Так сказал мой любимый величайший русский поэт.

Vanitas Vanitatum!

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ

*Лучшее средство от любви — бег в противогазе
Саперная лопатка служит для копания окопов,
а не для ковьярания в носу*

*Мы будем изучать каждый раз новое, но почти
одно и то же*

Армейские премудрости

Часть первая

Я разбегаюсь и прыгаю в речку без названия, которая уже кипит от мельтешения в ней трех десятков мужских тел. На дворе стоит жара градусов под тридцать, и командиры решили взбодрить прибывших на стажировку студентов нашего химического ВУЗа. Мы, кстати, относимся к химвойскам. Пороха мы не нюхали, а должны, кроме пороха, знать еще с пару десятков разных спецсредств для обработки личного состава и военной техники на тот случай, если нормальная огневая война с предполагаемым противником превратится в ядерную или с применением химического оружия.

Есть мнение, что в случае ядерной войны надо завернуться в простыню и медленно ползти к ближайшему кладбищу. Но это мнение пессимистов. Учтите, что на дворе жаркое лето 1961 года! Место учений — воинская часть, уютно расположившаяся среди лесов Белоруссии. Перед отправкой нам показали оптимистический фильм с титром «*совершенно секретно*», где наши доблестные войска благополучно пережили ядерный удар, спрятавшись в блиндажи, а потом в противогазах и с автоматами в руках садятся

в бронетранспортеры и по карте, составленной заранее бравыми химиками, ловко обходят опасные радиоактивные зоны и быстро направляются атаковать вероятного противника под упоительную музыку Первого концерта для фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского.

Несмотря на жару, солдатам положено носить кальсоны с веревочками вместо трусов. Поэтому все купаются голыми. Выходим на берег и сохнем. Параллельно происходит сравнение калибра боевых стволов, которые, как и положено, глядят в землю. Курсанты Иванов и Варшавер стоят рядом, и все кругом с уважением осматривают их оружие. А им не жалко — глядите, хлопцы!

Конечно, есть и другие претенденты на призовые места, но у них товар похуже качеством, кривоват или желтоват. Одним словом, не то.

Но вот звучит команда *Одеться и строиться!* Мы прибыли ночью. Нам выдали сапоги и ХБ и повели в заранее расставленные палатки. Дали поспать до семи утра. Потом скомандовали *Подъем!* и заставили в галифе и сапогах пробежать с километр. Я, лично, чуть не помер от такой встряски. Хорошо, что перед этим повели в уборную на десять посадочных мест, но мне и еще кому-то они не понадобились, а жаль. Потом весь день пришлось караулить заветное мгновение, чтобы опростаться и не опозориться. Оказалось, что это не вполне эстетическое занятие наши командиры называют словом *оправиться*. Такой милый эвфемизм. Вот, говорят, в милиции если приглашают, говорят: *присаживайтесь*, потому как *садитесь* звучит угрожающе.

Нам предстояло прожить в качестве курсантов шестьдесят дней. Наши полковники, они же наши ангельхранители, приехали с нами. Они жили в просторной палатке, и мы часто проходили мимо них строем. Иногда удавалось уловить обрывки их разговоров. Оказалось, что их тоже волнуют мировые проблемы. Ну, нас они тоже иногда волновали, особенно после бутылки «Гурджаани» или

«Цинандали». Постоянно нас волновали совсем другие проблемы, ясно какие, не так ли?

Через неделю мы уже направлялись на полигон, где нам должны были показывать, как надлежит работать с изолирующим противогазом (ИП). Их, как вы и сами понимаете, был большой дефицит, да и работать в нем было непросто. ИП должен был давать вам кислород путем медленно идущей в его баллоне реакции. А вы в это ограниченное драгоценное время должны успеть сделать что-то исключительно важное для нашего отечества.

— Рота, стой! В две шеренги стано-вись! Нале-во! — капитан Дьяченко выстроил нас напротив искусственного водоема, куда начал спускаться сержант Рябов, облаченный в ИП. Он должен будет сидеть под водой и выходить из неё, пока капитан расскажет, как работать в ИП. Пока капитан, очень плотный дядька с широким лицом, разглагольствует, мы блаженствуем, ибо никак не можем привыкнуть к тяжелым сапогам с неумело намотанными портянками. Час быстрого хода на полигон измучил наши нежные городские ноги. Капитану тоже, вроде бы, некуда торопиться. До обеда еще два часа. Наконец, Рябову дан знак, и он вылезает на травку, аккуратно снимая драгоценный ИП и засовывая его в брезентовый чехол.

Тут, как назло, принесло тучку, которая ругнулась пару раз громом и вылила на каждого из нас по ведру свежей воды. Капитан скомандовал, и мы угрюмо потопали в лагерь.

— Так идти в строю не положено, — сказал капитан. — Давайте-ка, курсанты, песню!

Мы молча продолжаем топтать. Мы еще не знаем, что командир, да еще в звании капитана на ветер слов не бросает. — Если не услышу песню, скомандую: «Бегом в лагерь!» — добродушно говорит Дьяченко.

Этого еще не хватало! Изумительно звонкий молодой голос из задних рядов запекает: «Ну-ка, солнце, ярче брызни!..» Мы подхватываем. Лучше жизнерадостно орать, чем

молча бежать. Это ж дураку ясно. И вообще — с первого дня мы усвоили солдатскую мудрость: лучше сидеть, чем стоять и лучше лежать, чем сидеть. А что еще делать, если натер правую пятку, а грубый, как наждачная шкурка, сапог сопровождает каждый шаг болью. После команды «Разойдись!» бегу хромая в общественный туалет оправиться. Еле донёс. Боже! Какое блаженство сидеть на корточках в продуваемом лесным воздухом пространстве, разминая газету «Правда» месячной давности!

Подходя к палатке, я услышал в сотый раз, как наш начальник отделения сержант Мирзоев сказал на ломаном русском языке:

— Ребята, я к вам всей сердцей, а вы ко мне в карман *сеприте!*

Что-то он стал часто на нас обижаться. Оказалось, что мы должны были идти в столовую с песней:

*А мы гвардейцы
Нам страх неведом
Родная партия воспитала нас.
Мы не сойдем с пути,
Пути победного.
Любимой родины
Мы выполним приказ.*

На десятый день эта песня нам осточертела, и мы начали её выворачивать, а сержант никак не мог перекричать десять молодых глоток. Он-то давно усвоил, что за идеологические ошибки в воспитании рядового состава могут даже лишиться сержантского звания. Прямо катастрофа в карьере.

А вот есть такой пожизненный крест — неудачник. Это я о себе. Всем нашим прямо из ящика достали новые скорострельные карабины Симонова (СКС). И мне тоже. Потом мы их оттирала от смазки, а потом нас тренировали на разобрать-собрать и кто быстрее. И тут выяснилось, что

мой карабин не хочет собираться. Что-то там заклинило. Старший сержант Яшков подошел ко мне и долго следил за моими усилиями поставить затвор на место. Потом он взял мой карабин и попытался это сделать сам, но ничего не вышло. Потом я снова разобрал карабин и стал собирать, но уронил его на песок, которым была присыпана вся оружейная площадка. В результате песок прилип к смазке, которую я неаккуратно удалил. Яшков посмотрел на меня со злостью и сказал:

— Оттирай заново.

А у меня закончились чистые тряпки. В общем, я ушел оттуда последним и подвязал затвор случайно найденным куском шпагата, так что от личного часа осталось всего пятнадцать минут.

Вообще-то СКС — отличная машина. И штык у него в форме финского ножа. Им можно и консервы открыть. А в прикладе есть круглая дырочка и там отвертка и ёршик для чистки ствола. А основание приклада стальное, так что и гвозди можно забить, а зубы вероятному противнику можно выбить одним ударом... Наконец, после недели таскания моего мощного, но бесполезного оружия мне поменяли СКС, и я в темпе должен был очищать его от смазки. Главное, что я его собирал и разбирал не хуже, чем все остальные и, стало быть, не был придурком, а просто неудачником.

Между тем, нас готовили к присяге. По этому случаю *помкомвзвода* Медведев два раза приходил и вел воспитательную работу.

— Главное, товарищи курсанты, запомните: раньше, до присяги вы могли совершать разные нарушения дисциплины, но к вам не применяли строгие меры наказания. А после присяги вы становитесь ответственными за свои поступки и можете даже попасть под трибунал и получить срок службы в штрафбате, а там жизнь куда тяжелее, чем здесь на воле. А сейчас давайте позанимаемся уставом и курсом мо-

лодого бойца. Как всем известно, служба в армии считается почетным долгом каждого гражданина СССР...

Тут я задремал и даже успел увидеть во сне Таньку Ильину, с которой целовался в подъезде Сашкиного дома, когда мы праздновали Первое мая.

В день присяги начальники вытащили письменный стол и надели парадные мундиры. Старший лейтенант Грибов, высокий и тощий, как сушеная вобла, выглядел прямо устрашающе со своими медалями и значками. Он стоял справа от майора из управления, а слева стоял капитан Дьяченко. На столе лежала кипа бумажек с клятвой верности стране, партии и всем начальникам. Солнце пекло и играло на начищенных до зеркального блеска кирзовых сапогах. Мы до этого светлого дня усердно репетировали все телодвижения, соответствующие торжественному событию в нашей короткой жизни. На всякий случай, чтобы не сбиться и не испортить процедуру каждый еще в строю держал в левой руке текст присяги. Да, чуть не забыл! В этот день после поздравления начальства в лице майора нам было положено гулять и веселиться. Некоторые непонятным образом раздобыли *водяры* и быстро нажрались до полного идиотизма, потому что никакой закуски не было, кроме пачки печенья из военного ларька. Пока они ловили кайф, я сочинил стишок. Я вообще люблю время от времени сочинить что-нибудь этакое, но только для себя. Читать свои стихи для публики мне стыдно. А тут я сочинил, красиво переписал и послал домой родителям:

*Присяга, присяга, присяга, присяга...
 Давай-ка присядем с тобой, бедолага,
 Давай-ка кирнем мы с тобой для порядку.
 Присяга в присядку, присяга в присядку.
 Из горлышка сделаем славный глоток.
 Ты парень хороший и я — молоток!
 Давай мы с тобою еще. Для порядку.
 Пис-сяга, пис-сяга, пис-сяга в пис-сядку.*

*К-как толстая баба с носка — и н-на пятку.
Еще ррас-кажди мне п-жалста, браток,
Но надо до-пить нам пос-последний глоток:
Кому писягал и защем писягал?
Писягу за-щем перр-ред стрроем читал?*

Сегодня я решил сачкануть и пристроился к группе больных под командованием сержанта Щеглова, который поведет нас к врачу. Интересно — он совсем дурак или только прикидывается? На все вопросы жизни он, как заведенный болванчик, цитирует устав. Ребята над ним открыто насмеваются. Однажды, пока он разглагольствовал, кто-то нахально очень громко пукнул, и все переключились на это событие и стали его спрашивать, можно ли позволять себе такое безобразие, или надо спрашивать у начальника разрешение. Щеглов ответил, что, мол, можно, но смотря — где. Тут Валерка Гутман сказал:

— Ну, например, под красным знаменем...

И мы покатались от хохота, а дурак Щеглов сохранял полную серьезность, отчего стало еще смешнее.

Ну, в общем, врач посмотрел мою пятку, помазал йодом и налепил пластырь. Посоветовал поддеть носок под портянку. Теперь придется ждать, когда откроют кладовку.

Завтра у нас стрельбы. После визита к врачу я уже не изнываю от мысли, что придется пилить на полигон, превозмогая боль. Вообще-то все постепенно приноровились тащить на себе жесткие сапоги, которые на жаргоне называют «г..нодавами». Нельзя отказать им в практичности. Выдерживают любую грязь и сырость, отмываются и становятся со временем мягче, если их высушить и обильно смазать дёгтем. Потом можно начистить до блеска тряпкой.

Чувствуется, что начальство нервничает перед стрельбами. Мы ведь держим смертельно опасное оружие впервые! Ненароком кто-то повернет ствол не к мишеням, а вбок и нажмет курок. Что тогда? ЧП! И хорошо, если не простре-

лит кому-нибудь башку! Команды Грибова резки и грозны, как удар кнута:

— Первая шеренга шаг вперед! Получить патроны! Занять позицию на линии огня! Взвести затвор! Смотреть только вперед! Доложить о готовности! Огонь!

Когда мой сосед слева выстрелил, я сразу оглох на левое ухо. Ничего себе! Не зря нам говорили, что убойная сила СКС больше километра. Мои очки сильно мне мешали прицеливаться еще и потому, что от напряжения мушка начинала расплываться. Дали нам по три патрона и хотелось бы не опозориться. Я очень старался, очень.

Опять команда:

— Доложить о конце стрельбы! Взвести затвор! Сделать контрольный выстрел! Корнаков, куда ствол направил?! Два наряда вне очереди! Всем встать! К мишеням бегом марш!

Вы не поверите, но я выбил двадцать шесть очков из тридцати! Когда все отстрелялись, Грибов осмотрел мишени и меня в числе семи курсантов построили напротив нашего взвода и Грибов объявил нам благодарность. А мы нестройно ответили:

— Служу Советскому Союзу.

Тут Валерка Артемьев попросил разрешения у Грибова сделать фото. Он у нас чокнутый фотограф. Знаете, что интересно? В пятьдесят седьмом году была денежно-вещевая лотерея, и он выиграл фоторужьё. Я помню, что никто из нас не выиграл ни копейки. Такое вот счастье. Не зря говорят, что на ловца зверь бежит. Много, что говорят в пословицах и поговорках и называют это народной мудростью. На любую ситуацию можно найти народную мудрость, когда у мудреца язык без костей. Тоже вполне дурацкая приписка — разве язык с костью внутри бывает? Два органа у человека не имеют костей. А вот, у моржа второй орган с костью внутри. Такова жизнь.

Ну вот, пришла и моя пора заступать на дежурство. Повесил я на пояс штык и встал у столба с телефоном под ма-

ленькую крышу. Рота уgomонилась, ребята разошлись по палаткам после вечерней поверки, а я стою и буду стоять, пока меня не сменят. Вот и стемнело. Начальники пошли по домам, отдавать честь некому и докладывать некому. Вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку:

— Курсант Лесин слушает.

Оказывается, это не мне звонят. Кто-то из хозяйки просит дать провожатого, потому что в карауле стоят наши, которые не пустят никого на склад и могут ненароком стрелкнуть. Ну ладно. Послушал я чужой разговор и повесил трубку. Обычный разговор мирного времени. Ни тебе диверсантов, ни расхитителей социалистической собственности. Стою и охраняю мирный сон товарищей. *Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат.* Какое замечательное слово — тревожить! «Но пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем...».

Где-то в прошлой жизни осталась Галка Семенова. Такая милая мордашка, веснушки вокруг носа и к глазам. Сидела с Козловой сзади нас с Мишкой. А мы с ней раньше познакомились, когда ходили в девчачью школу вместе с Сашкой Дмитриевым на занятия драмкружка. Ну, шел урок, как обычно у Петюнчика по геометрии с тригонометрией. Тот нудно диктовал объяснение к задаче. А что ему — время идет, копейки капают. Я и спросил у Галки:

— Скажи, у какой певчей птички черные яички?

— Знаю, — отвечает, — у Поля Робсона.

Я тут же получил локтем под дых от Мишки. Мишка в это время уже читал романы и считал себя рыцарем. Пошлости не прощал. А жизнь вся полна пошлятины. Ну что делать, если мы все время или перевариваем еду, или ходим по нужде. Да еще и потеем, и живем по три-четыре человека в одной комнате и все разного пола. Я иногда думаю, какие бедные и несчастные люди наши родители! Ни одной нормальной ночи, ни одного дня для личной жизни. Всё у всех на глазах! Слава боженьке, что папе дали одноком-

натную квартиру с площадью 16,88 метров квадратных, где мы спим до сих пор вчетвером. Но главное — у нас есть своя ванная комната с газовой горелкой для подогрева воды. Вот это настоящее счастье! Прав Маяковский — очень правильная эта наша советская власть.

Рассвело. Когда стоишь один, а все спят, видишь, как вокруг происходит жизнь природы. Вот прибежал лохматый щенок. Ему явно хочется общаться. Я бы поиграл с ним, но, если дежурный офицер увидит, влепит пять нарядов и будешь отмывать общественный сортир. Это мне надо? Щенок бегал туда-сюда и всё нюхал, потом помочился у столба и вдруг заметил лягушку. Решил поиграть с ней. Однако лягушка была с характером и когда щенок сунул свой нос слишком близко, она издала неприятный хрипящий звук и двинулась на него. Щенок отпрыгнул и снова подбежал ко мне.

Наконец, меня сменили, и пошел поспать до завтрака. То, что дают на завтрак, я до сих пор не могу есть. Я беру только два куска сахара и кусок хлеба, и весь кусочек масла размазываю на нем. Пью чай с бутербродом и прикусываю сахаром. Это вкусно. А есть перловую кашу или еще хуже — пшеничную, я не могу. Мне до обеда хватает этого бутерброда. У нас в столовой на стенах развешаны красивые плакаты: *свежие овощи и фрукты обязательно мойте перед едой*. Издевательство! Настоящий социалистический реализм. А так хочется кислого яблочка, которое так замечательно хрустит, когда его раскусываешь. Я заснул и сразу увидел во сне, как я стою возле грядки и срываю колючие, покрытые утренней росой огурцы. Я отчетливо чувствовал их сладковатый вкус и непередаваемый свежий запах. Так бы я долго наслаждался, но наш сержант потряс меня за плечо:

— Давай, курсант, быстро оправляйся и иди строиться.

Сегодня нас потащили на полигон, чтобы показать, как кидать гранату. Мы опять стояли в две шеренги, а капитан Дьяченко лично залез в специально вырытый окопчик

в пятидесяти метрах от нас и кинул гранату в бруствер еще на двадцать метров или больше. Мы услышали хлопок и увидели облачко серого дыма. На этом представление закончилось. Неужели стоило из-за такого пустяка гонять нас на полигон?

Поскольку нас готовят быть начальником взвода химической и радиационной разведки (ХРР), с нами после полигона занимался старший лейтенант Егоров. Мне кажется, что он был прилично навеселе, поэтому наше общение было веселым. Сначала он поставил такой вопрос:

— Вот, перед вами стоит стакан со спиртом. Нет, с водкой... А рядом лежит кусок радиоактивного материала. День лежит, два лежит... Можно эту водку пить?

Ну, мы как раз в летнем семестре занимались радиационной химией, и все уверенно заорали:

— Нет, нельзя! Там прошли реакции и образовались вредные альдегиды, эфиры.

— Эфиры-кефиры, — передразнил Егоров, — а я вот, подойду и выпью! — При этом он так картинно раскланялся, что мы рассмеялись. Особенно развеселился наш отличник Сашка Вассерман. Егоров окинул его пристально пьяным взором и спросил:

— Как фамилия?

— Вассерман.

— И отступили басурманы! — вдруг продекламировал Егоров.

Тут все, кто стоял, упали от смеха, а у Модестова Вальки даже насморк случился. Егоров доброжелательно взглянул на Вальку и констатировал:

— Обсопливился.

Тут последовал еще один взрыв смеха, но Егоров, завидя вдалеке Дьяченко, вдруг посерьезнел и велел построиться. Потом скомандовал: *Равняйся! Смирно!* И, приложив ладонь к фуражке, доложил о проведении занятий. Дьяченко скомандовал: *Вольно!* Егоров, как эхо повторил, и мы полезли за веселым наставником в дебри радиационной разведки.

Нет, все-таки я совершенно не гожусь для армии. Дурак я дурак! Ведь у меня был белый билет из-за слабого зрения! Нет, мне хотелось быть, как все. Вот и получил. И опозорился, как кисейная барышня. А дело было так. Пригнали на поле машину, в которой должны производить дегазацию обмундирования, потому что если каждый раз после военных действий выбрасывать шинель, гимнастерку и брюки-галифе, то через три месяца все будут воевать в кальсонах с голым торсом, и война закончится сама собой. А что тогда будут делать генералы?

Короче, наши стали помогать запускать машину и Вовка Михнев, такой симпатичный молчаливый брюнет, полез помогать ставить штуцер на специальную трубу, куда засасывают аммиак, что ли, я не помню. А я стоял на карачках на подхвате. И тут солдатик, который обслуживал машину уронил тяжеленный штуцер прямо на голову Вовке. И кровь полилась. Вовка прижал тряпку к голове, и его повезли в санчасть. Штуцер общими усилиями все-таки поставили, а мы стояли в пяти метрах на солнце и смотрели. А я вида крови не выношу. И вот, я стою и чувствую, что мне становится дурно, что приближается обморок. Я поднял руку и говорю Грибову:

— Разрешите выйти из строя...

Он разрешил, и я вышел и пошел в сторону. Последнее, что я помню, это улар мордой об землю. Хорошо, что там густая трава росла, смягчила. Очнулся, когда ко мне двое ребят подбежали и отволокли в тень. Все решили, что у меня был солнечный удар, но я-то знал, что у меня с нервами нехорошо. Я потом всё думал, как же я буду жить дальше, если я такой психопат? Потом Вовка с окровавленной головой не раз всплывал в моем мозгу, и я тогда кричал сам себе: «Прекрати!!!» И бил себя ладонями по щекам. Вот ведь наваждение! И всё это надо таить в себе, чтобы не засмеяли!

Наши полковники относились к нам, как истинные отцы-командиры. Особенно теплым человеком был Куров,

невысокий, полноватый, очень выдержанный, неторопливый. Он у нас преподавал машины и механизмы для химической обработки. Эти плакаты с машинами и устройствами в разрезе были невероятно скучны. Он водил указкой по плакатам, диктовал параметры процессов обработки, производительность оборудования. Мы должны были всё это записывать в рабочие тетради. В аудитории всегда стоял тихий гул посторонних разговоров. Особенно нам нравился простой аппарат, который назывался бучильной установкой БУ. Это был вместительный барабан, в который с помощью небольшого крана опускалось отравленное обмундирование в специальной корзине. Эту корзину следовало вручную вращать, пока кипел дегазирующий раствор, потом нужно было вытаскивать мокрое и горячее и тащить в сушильные камеры. Семнадцатый век!

И вот теперь наш полковник должен был всё это показать на действующем экспонате. Ассистировал ему местный солдатик, за кем была закреплена машина. Куров нас жалел и потому разрешил присесть на подстилку соснового леса в легкой тени. И мы сидели молча, обирали чернику с растущих рядом в изобилии кустов и тихонько беседовали, чтобы не мешать. Наша молодость была зла и нетерпелива. Предыдущее поколение студентов дало кличку полковнику — «Бучильник». Он наверняка не раз слышал это прозвище, потому что студенты использовали марш «Прощание Славянки», куда вставили куплет

*Прощай Бучильничок.
Экзаменам конец.
Конспекты все в толчок.
Военной кафедре тупец!*

«Интересно все-таки, как он жил», — подумал я однажды. Полковник получал примерно столько же, сколько доцент, так что на жизнь хватало. Судя по плакатам на стенах аудиторий и материальной части, мало что изменилось с тех пор,

как окончилась война. Против зарина и зомана наши военные химики придумали антидот. Я бы назвал это вещество антитод, потому что *tod* по-немецки означает смерть. В том секретном фильме было показано, как боец спасает своего отравленного товарища, вкалывая ему через штанину шприц-ампулу. Вот он, Куров каждые четыре года рассказывал одно и то же — как варить в больших кастрюлях шинели и потом высушивать. Чокнуться можно!

Тут со мной приключение случилось опять. Что это со мной всё время что-нибудь случается? Назначили меня в караул. Моя точка — продовольственный магазин. Два часа стоять и обходить. Потом два часа отдыхать. Потом снова стоять. За спиной мой любимый СКС с полной обоймой боевых патронов. Сержант Нагиев мне сказал:

— Если что — свисти или кричи.

Я стою под лампочкой на столбе, потом иду в сплошную темень и всматриваюсь — нет ли злоумышленников. Один раз нарвался на кошку. Она так заорала от страха, что я жутко испугался, долго в себя приходил. Потом меня сменили, и я подремал, а после опять поставили у магазина. Стало светать. Рассвело. Вдруг смотрю — мужик выходит из строящегося дома и тащит подмышкой рулон рубероида. Это, вроде бы, не мой объект, но воровство налицо. Я ему свищу и машу рукой — иди, мол, сюда. Он скрывается в доме, выходит и идет ко мне. Я срываю СКС с плеча. Он ускоряет шаг. Я свищу, потом ору. Приходит Нагиев и спрашивает, что случилось. Я говорю, что вора поймал.

— А что он своровал? — спрашивает сержант.

— Рулон рубероида, — отвечаю.

— Ну и где же он? — спрашивает сержант.

— В том доме спрятал, — отвечаю я и показываю пальцем на дом.

А мужик в это время молчит и прикидывается валенком. Я уже понимаю, что свалял дурака. Надо было брать его с поличным. Сержант уводит мужика подальше с глаз моих долой и на прощание говорит:

— Курсант, продолжайте охранять пост.

В другой раз я стоял в карауле и охранял склады. Этот объект куда серьезнее. Стою я и осознаю важность порученного мне дела. А вдруг диверсанты или бандиты захотят вскрыть склад и захватить хранящееся там оружие или боеприпасы? Я имею право открыть огонь по нарушителям.

И вдруг на рассвете я вижу здорового зайца на поле перед складом. А кругом тишина, воздух чист и прозрачен, как у Лермонтова! И только двое могут это оценить — я и заяц. Что-то он там нашел съедобное, интересно, что именно. Так продолжалось минут десять, не меньше. Потом, когда меня сменили и мы шли к нашим палаткам, я сказал старшему сержанту Акимову про зайца. Он тогда ответил, что надо было его подстрелить. Начальству удовольствие, а нам благодарность за бдительность. Тут я его спросил:

— А если бы я промахнулся? Я ведь за каждый патрон в ответе.

— Списали бы по акту, — уверенно ответил Акимов.

Всё чаще стали поговаривать, что начальники готовят нам ночной марш-бросок. Это значит, что надо будет бежать в противогазе и с полной выкладкой не менее пяти километров. Еще говорят, что сержанты будут бросать гранаты со слезоточивым газом с нежным названием «Черемуха», и тот, кто выдернет клапан из противогаза, наплачется так, что мама-не-горюй!

Я решил, что надо попросить боженьку, чтобы меня в ту ночь поставили дневальным. Я попросил — и Он меня услышал! В четыре утра появился Дьяченко с Грибовым и приказал:

— Дневальный, объявляй тревогу!

— Есть, объявлять тревогу, — радостно сказал я, приложив руку к пилотке, и заорал изо всех сил: *Тревога-а!*

Все высыпались из палаток, построились и побежали, каждое отделение со своим сержантом. Противогазы они

надели потом, когда объявили химическую атаку. Коля Резчик сказал, что через километр разрешили противогазы снять. Никто, к счастью, не упал и не помер на ходу. Это потому, что я в этом испытании не участвовал.

Сгущенка. Знали бы вы, что за небесное блаженство — лежать на скамейке и высасывать сгущенку из банки. А дело в том, что я долго держал заветный рублик и все раздумывал, как бы мне его потратить. И однажды, когда у нас был личный час, я смотался в ларек за забором, ограждающим нашу часть, и купил банку за пятьдесят пять копеек. Потом штыком сделал прокол и лег на скамейку для повышения блаженства. Напротив меня сидел Колька Резчик, который дразнил Ваську Котова, что тот получает двойную порцию в обед, выдавая себя за рядового «Кот и Повар». Между нами зияла яма для окурков, но оттуда не воняло, потому что время от времени туда бросали пару лопат сырого песка. А еще было хорошо смотреть сквозь сосновые ветки на небо и следить за проплывающими облаками.

Последний день в лагерях. Старослужащие подбивают под нас клинья, чтобы мы поменяли наши мало изношенные ХБ и, главное, сапоги на их истрепанное обмундирование. Но старшина предвидел это и предупредил, что это есть уголовно наказуемое деяние, и чтобы мы не смели даже помыслить об этом. Наверное, у старшины есть свои планы на это барахло. Если серьезно, что наша ХБ — самая практичная одежда для походов и работы, и я бы с удовольствием привез домой свой комплект.

Переодевшись и одев свои полуботинки на микропоре, я ощутил необыкновенную легкость в ногах. Мне казалось, что я могу легко взять планку на высоте двух метров. Вот что делает с изнеженными детьми инженеров и врачей суровые условия армейской службы.

Перед посадкой в грузовики, которые нас повезут на станцию, мы слоняемся со своими пустыми чемоданчика-

ми и рюкзаками и распеваем неуставные песни. Валерка Артемьев спел прямо в лицо Грибову (на мотив «Прощания славянки»):

*Подружились мы крепко с половником,
Ненавидим команду «Подъем»,
Подчиняемся только полковникам,
А на прочих мы просто кладём!*

Грибов сделал сокрушенное лицо и сказал:

— Ну, ничего себе! Вот этого, курсант Артемьев, я от вас не ожидал.

Последняя команда «По машинам». Сильные и ловкие, мы взлетаем в кузова грузовиков, машем нашим сержантам и устраиваемся на лавочках тесно друг к другу. Едем и распеваем неприличные слова на мотив Дунаевского: «Милый друг, наконец-то мы вместе, Ты плыви, моя лодка плыви». Всем ужас до чего весело.

Посадка в вагон. Через восемь часов Москва. По вагону важно расхаживает майор Ковалев (нет, не гоголевский персонаж). У него на букве Ж... болтается кожаный ранец с пристегнутым компасом. Каждый десятый просит товарища майора проверить по компасу, не сбился ли наш поезд с направления. Ковалев величественно молчит. Это самый глупый из наших институтских наставников. С ним даже шутить скучно.

Послесловие

Когда я вернулся домой, мама приготовила мне жареную с луком печенку с отварной картошкой. Я от души поел, но видно, печенка была несвежая, просто я был голоден и не заметил. Поэтому ночь я провел ужасно. Раз пять я вскакивал со своей раскладушки на кухне и бежал к унитазу. В последний раз у меня уже не было сил идти, и я полз туда на коленках, и обнимал унитаз, чтобы не упасть. Днем

я слонялся по комнате совершенно без сил. Весь живительный сосновый воздух, которым я дышал два месяца, вышел из меня. Так, наверное, чувствуют себя отловленные в лесах дикие звери, когда их помещают в тесные и вонючие клетки в зоопарках.

Когда в армии с меня слез интеллигентский жирок, я здорово похорошел. По секрету — я теперь весил всего шестьдесят два кило, что при росте метр семьдесят было очень неплохо. Ленка Овсеенко увидела меня в первый день занятий и ласково сказала мне:

— Сашенька, Лесин, какой же ты стал красавчик!

Я помню еще, что Сашка Вассерман, когда увидел меня в бане перед отъездом из армии, тоже крикнул мне сквозь пар:

— Лесин, у тебя потрясающая фигура!

Но рожа у меня далеко не красивая. Волос жесткий, рыжеватый, нос длинный, подбородок раздвоенный. Что там Ленка во мне нашла?..

Часть вторая

Мы заняли два общих вагона в пассажирском поезде, который довезет нас до маленького городка Кинешма, что стоит на Волге. Там находится действующая химическая часть, куда мы прибудем, чтобы исполнять должности помощников командира взвода. Там столько взводов нет! Поэтому, как я думаю, мы там будем играть в *войнушку*, но уже без наших отцов-командиров. По слухам, там с нами будут только двое: полковник Городянский, который известен своим бессмертным изречением, что у каждой медали есть своя удручающая сторона, и майор Ковалев, который не является коллежским асессором, как я уже упоминал, и который глуп, как бабий пуп. Этот кретин хотел, как мне кажется, покуражиться надо мной на выпускном экзамене,

Алик Толчинский — москвич, по окончании МИТХТ занимался исследованиями в различных областях физической химии, доктор химических наук. Живет в Бостоне.

Печататься начал в Москве в конце 90-х годов. Автор шестнадцати сборников эссе, рассказов и повестей — «Мозаика жизни», «Река времени», «Тени на стене», «Нонконформист», «Продолжение разговора», «Перед заходом солнца» и других, изданных в 2004–2020 годах в Бостоне.

Книга повестей и рассказов Алика Толчинского — явление занимательное и штучное, не поддающееся измерению стандартной линейкой критического разбора, типа «в этой книге автор хотел сказать...» Коротко суть рассказов и повестей, включенных в сборник, можно весьма точно определить только так, как это делает автор в своем предисловии, — это «пёстрые» истории. Но пёстрые не столько в смысле эклектичности (которая, впрочем, здесь тоже безболезненно присутствует), сколько в смысле разнообразия тем и мыслей, сразу же, с первых страниц, увлекающих вдумчивого читателя и замечательно иллюстрирующих простую и печальную истину «Суета сует и всяческая суета».

И не важно какие из включенных в сборник историй вы будете читать — ироничную биографическую повесть о тупости «непобедимой и легендарной» советской армии, где автору пришлось служить в химических войсках (мне, пишущему эти строки, — тоже), смешные и грустные рассказы о «русских» эмигрантах в Америке или тонкие фантастические новеллы — живой, бесхитростный язык этих вещей будет обязательно услаждать ваш внутренний слух. А что же ещё вы хотите получить от хорошей литературы?

Семён Каминский, Чикаго

ISBN 978-1-950319-46-6

9 781950 319466

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com